

DOI: 10.19181/inter.2025.17.1.2

EDN: OXDNEK

Военная идентичность: как маскулинная идеология формирует отношение к насилию

Ссылка для цитирования:

Старцев С. В. Военная идентичность: как маскулинная идеология формирует отношение к насилию // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2025. Т. 17. № 1. С. 22–41. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.1.2> EDN: OXDNEK

For citation:

Startsev S.V. (2025) Military Identity: How Masculine Ideology Shapes Attitudes to Violence. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 17. No. 1. P. 22–41. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.1.2>

Старцев Сергей Вячеславович

Национальный исследовательский институт
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

E-mail: ssstartsev@hse.ru

В статье исследуются механизмы формирования и поддержания военной идентичности на примере участников специальной военной операции в Украине. В исследовании рассматриваются два регистра военной идентичности — нарративный и телесный. Эмпирическую базу составили 15 глубинных интервью и 3 заполненные телесные карты, созданные бывшими комбатантами. Анализ показывает, что устойчивость военной идентичности поддерживается двумя ключевыми элементами: специфической маскулинной идеологией и характерными отношениями с насилием. Маскулинная идеология проявляется через постоянное стремление к испытаниям, отказ от оседлой жизни и формирование закрытой солидарности в рамках гомосоциального сообщества — гендерно сегрегированной группы с особыми социальными связями между лицами одного пола. В его среде создается специфический тип социальности, характеризующийся радикальным эгалитаризмом и четким разделением на своих и врагов. Исследование также обращается к факторам, потенциально дестабилизирующим военную идентичность: ранениям, инвалидизации и пленению. Парадоксальным образом эти события могут не только подрывать, но и укреплять военную идентичность через

стремление вернуться к боевым действиям или поиск альтернативных способов поддержания маскулинности. Полученные результаты углубляют понимание процессов формирования и трансформации идентичности участников боевых действий, что имеет важное значение для осмысления проблем их последующей интеграции в гражданское общество.

Ключевые слова: военная идентичность; маскулинность; военная маскулинность; маскулинная солидарность; инвалидизированная маскулинность

Благодарность: Исследование реализовано при поддержке факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в рамках проекта «Опыт локальных конфликтов: переработка, ресоциализация, инвалидность».

Конгруэнтность личности и войны

Вооруженные конфликты играют не менее значимую роль в формировании социальных смыслов и групп в обществе, чем гражданские¹ социальные структуры [Joas, Knöbl, 2012]. Однако в силу особенностей идеологии академических организаций эта тематика остается недостаточно изученной в социологических исследованиях [Malešević, 2010].

Тем не менее опыт участников боевых действий может иллюстрировать интересные для социальных наук процессы. Война сама по себе, хотя и является традиционной формой человеческой активности [Freud, 2015], требует от комбатантов особой формы не только физической, но и когнитивной подготовки, для которой необходимы как физические, так и социальные усилия [Мосс, 1996].

Судя по всему, человек не имеет биологических предпосылок для участия в институционально организованном и продолжительном насилии, что подтверждается исследованиями как биологических, так и социальных систем [Knauft et al., 1991; Collins, 2009]. Участие в боевых действиях предполагает сложное сочетание различных навыков: от стратегического планирования операций до умения справляться с иррациональностью войны. Эта иррациональность проявляется намного чаще, чем следование плану: дружеский огонь, проблемы со связью и неразбериха боя, несмотря на значительный технологический прогресс в ведении войны, все еще остаются обычными для любых сражений [Mann, 2023]. Способность находить решения в высокострессовых ситуациях и состояниях возбуждения подтверждает, что война как праксис комбатантов требует специфического состояния ума и тела.

¹ Мы используем слово «гражданский» не в привычном политологическом или социологическом значении свободных ассоциаций и общественных проявлений, а как то, что противоположно военному.

В связи с этим главным остается вопрос: какой аналитический инструмент может быть уместен для описания этих состояний? Какое условие необходимо для того, чтобы, с одной стороны, реагировать и адаптироваться к условиям внешней, социально экстраординарной среды — боевым действиям, а с другой — придавать форму и смысл собственному внутреннему опыту? Мы полагаем, что ответом может послужить идея военной идентичности.

Идентитарная социология — дискуссионная область социологического знания. Критики этого подхода указывают на то, что идентичность часто ошибочно рассматривается как фиксированное понятие, неспособное к трансформации и изменениям. Например, Р. Брубейкер [Брубейкер, 2002] и И. Тавори [Tavory, 2019] предлагают вместо идентичности использовать более специфицированные и уточненные термины — идентификацию или категорию членства, по их мнению, лучше подчеркивающие специфические особенности, которая упускает идентичность как концепт. В действительности они спорят с воображаемыми защитниками концепции фиксированной, застывшей идентичности. Сторонники идентитарной социологии всегда подчеркивали изменчивую и нестабильную природу идентичности, обусловленную множеством разнообразных процессов как вне группы, так и внутри нее [Snow, McAdam, 2000; Stryker, Owens, White, 2000; Van Stekelenburg, 2013]. Идея идентичности сама по себе имеет широкие способы аналитического употребления, и разные исследователи спорят по поводу границ идентичности, ее конечности, трансформации, стабильности или генезиса. Так или иначе, имеет смысл говорить о некоторых консенсусных аспектах идентитарной социологии: социологи и социальные психологи, изучающие различные формы социальной и личной идентичности, отмечают, что идентитарный проект не является единственным в биографической структуре человека — как правило, мы говорим о полифонии идентичностей, находящихся в конфликтных, комплиментарных или наслаивающихся отношениях [Roccas, Brewer, 2002; Kang, Vodenhausen, 2015]. Отдельные идентитарные проекты могут принимать форму мастер-статусов — доминирующих социальных позиций, которые определяют основную идентичность человека и структурируют все остальные аспекты его жизни. Опираясь в большей степени на концепцию Т. Парсонса, а не на подходы Г. Беккера или Э. Гоффмана, рассматривающие данный термин скорее в негативном ключе, как фактор, «загрязняющий» остальные идентитарные стороны жизни [Hunt, 2007], мы понимаем мастер-статус как ключевую социальную роль, формирующую целостность всего экзистенциального пространства бытия и на которую накладываются другие идентичности. Эти статусы могут стать основополагающими для биографического проекта как отдельных людей, так и целых групп. К примерам таких мастер-статусов, или сильных идентитарных оснований, относятся религиозная принадлежность [Tavory, 2019], участие в социальных движениях [Carroll, Ratner, 1996], а также события, формирующие весь социальный опыт человека, например участие в боевых действиях [Schütz, 1945].

В данном тексте мы фокусируем внимание на том, как складывается военная идентичность, какие силы работают на ее устойчивость, а какие,

напротив, угрожают стабильности военизированного идентитарного проекта. Мы считаем, что военная идентичность является примером мастер-статуса и поэтому может с помощью аналогии и метонимии отсылать к другим основополагающим аспектам социального существования [Geertz, 1992] — понятию гендера, долженствования, обязанности и группообразования².

Методология исследования

Для того чтобы ответить на вопрос о природе военной идентичности, мы сконцентрировались на опыте участников специальной военной операции в Украине, начавшейся в 2022 году. В рамках проведенного исследования были собраны данные посредством полуструктурированных биографических интервью с 16 участниками боевых действий. Все информанты в рамках нашей целевой выборки получили ранения различной степени тяжести, включая случаи ампутации конечностей. По статусу участия в боевых действиях информанты распределились следующим образом: трое были призваны по мобилизации, трое участвовали в составе контрактных вооруженных сил на основании командировки, остальные присоединились к боевым действиям добровольно. На момент проведения интервью некоторые из участников исследования уже полностью завершили свое участие в боевых действиях. Все участники были проинформированы о целях исследования, а также о том, что будет вестись запись разговора с последующей расшифровкой и анонимизацией полученных транскриптов.

В ходе работы мы столкнулись с проблемой того, что традиционное требование нейтральности исследователя при реализации качественных проектов вступает в противоречие с необходимостью создать доверительный контакт с информантом. Это противоречие становится особенно очевидным при изучении чувствительных тем, таких как участие в военных конфликтах, где существует устойчивый разрыв между ценностями академического сообщества и мировоззрением информантов. Строгое следование принципу нейтральности в таких случаях может препятствовать получению данных.

Мы решили сделать акцент на альтернативном подходе, основанном на честности, авторефлексии и процессуальной объективности, который позволяет преодолеть «стену сопереживания» и установить продуктивный контакт даже при значительных расхождениях во взглядах. Исследователю не обязательно жертвовать своими ценностями или притворяться тем, кем он не является, — наоборот, открытое выражение собственной позиции и готовности к диалогу помогает «очеловечить» разговор и получить более качественные данные. При этом важно в общении соблюдать баланс между исследовательской объективностью и эмпатической открытостью. Подробнее процесс интервьюирования и методическая рефлексия описаны в другой статье [Старцев, 2024].

² Подробнее о теоретических взглядах на военную идентичность мы писали ранее [Старцев, 2024].

Методология исследования выстраивалась, исходя из фокуса на двух особенностях репрезентации военной идентичности: нарративной и телесной. Это два из множества проявлений идентитарного ландшафта наряду, например, с дискурсивными практиками и поведенческими особенностями. Однако именно эти два измерения — нарративное и телесное — представляются нам основными для «вмещения» других проявлений идентичности.

В социологической традиции исследования нарративной идентичности реализуются через анализ того, как выстраивается вербальная связь между конструкциями идентитарного проекта человека или группы [Richardson, 1990]. П. Рикер в работе «Я-сам как другой» [Рикер, 2008] выделяет три таких нарративно формирующих элемента: персонажи, сюжет и события. Сюжет объединяет все элементы и требует от рассказчика нарративной компетенции, осваиваемой через социальную жизнь. При создании сюжета рассказчик выбирает события, которые должны связывать прошлое с настоящим и иметь культурное символическое значение [Ricoeur, 2002]. В биографических исследованиях военнослужащих нарративная идентичность позволяет понять, как солдаты объединяют социальные взаимодействия в рамках военной среды в целостную концепцию собственного «я» [Goodley, 2022]. Для того чтобы зафиксировать это измерение идентичности, мы использовали нарративные и биографические интервью, которые помогали информантам сформировать жанр и направленность их рассказа — истории о самом себе от рождения, через войну переходящую в настоящий момент.

Второе измерение идентичности участников боевых действий мы связываем с их телесностью. Этот параметр в контексте участников боевых действий впервые заметил М. Мосс в своем эссе «Техники тела» [Мосс, 1996]. Он писал, что английские и французские солдаты используют разные моторные техники строевой ходьбы, стрельбы, хвата лопаты и прочее. В современных рассуждениях о солдатах и войне опыт зачастую описывается как телесно закрепленный и воплощенный (*embodied*), плотно зафиксированный в телесном измерении³. Особое внимание в контексте военной телесности нужно уделить ее инвалидизированной форме: ранения представляют собой вызов для солдата с точки зрения его утверждения собственной маскулинности, так как всегда в той или иной мере связаны с утратой сил и слабостью комбатанта [Mosse, 2000]. С другой стороны, инвалидизация актуализирует вопрос о контракте между солдатом и государством: инвалидизированное тело оказывается тем удостоверением «имеющего право», которое предъявляется государству как социальному гаранту [Edele, 2008].

В ходе реализации исследования мы столкнулись с тем, что, хотя социология уже приняла тело как конвенциональный объект своего интереса, вопрос адекватных методов телесно-ориентированных исследований все еще стоит остро — вполне очевидно, что тело и нарратив являются вещами если не различной природы, то различной формы [Crossley, 2012], а значит,

³ Описание идеального солдата неразрывно связано с описанием такого же идеального тела, которое, в свою очередь, закаляясь в боях, закаляет также и дух [Mosse, 1990; Mosse, 1998].

привычное интервью имеет низкую эффективность в контексте тела как объекта социологического внимания. Л. Вакан, например, предлагает использовать собственное тело исследователя как познающий инструмент — пропускать через себя, «энактивировать»⁴ (enactivism) исследуемую практику, тем самым фиксируя детали зарождающегося в исследователе специфического телесного габитуса [Wacquant, 2006; Wacquant, 2015]. Подход этот, без сомнений, амбициозный и привлекательный с точки зрения получения незабываемых впечатлений в ходе полевой работы. Однако с точки зрения практической реализации ситуация оказывается более трудной, если речь заходит об изучении тех видов человеческих практик, которые непосредственно связаны со смертельным насилием и гибелью [Lee, 1993]. Именно в связи с этими условиями мы приняли решение поэкспериментировать с нестандартными методами качественных исследований, а именно с методом телесного картирования (body-map storytelling).

Телесное картирование — это метод качественного исследования, при котором участники создают изображения человеческого тела в натуральную величину, используя художественные техники для визуального представления аспектов своей жизни, тела и окружающего мира. Метод был впервые применен в конце 1990-х годов в ЮАР для работы с ВИЧ-положительными пациентами [Gastaldo et al., 2022]. В основе метода лежит создание карты тела в масштабе 1: 1 на большом листе бумаги или картона с использованием различных художественных материалов — от карандашей и красок до элементов коллажа. Визуальный материал обязательно сопровождается вербальными комментариями (testimonio), с помощью которых задаются ключи для интерпретации использованных символов и образов. Метод выполняет несколько важных функций: терапевтическую, помогая участникам осмыслить свой опыт; информационную, способствуя лучшему пониманию телесного опыта; исследовательскую, генерируя качественные данные; просветительскую, повышая осведомленность о различных проблемах; и биографическую, стимулируя рассказывать истории жизни. Телесное картирование обычно используется как дополнительный метод к интервью или фокус-группам. Данные могут анализироваться через тематический анализ нарративных элементов или через кодирование всех элементов карты, как визуальных, так и вербальных. Основное преимущество метода заключается в возможности получить экстралингвистическую информацию и работать с темами, которые сложно вербализовать, такими как телесность, здоровье и болезнь, травматический опыт⁵. В данном тексте будут представлены результаты трех телесных карт, которые создавались участниками исследования в рамках пилотирования инструментария.

Выбранный метод позволил зафиксировать телесное измерение военной идентичности; ухватить то, что по тем или иным причинам остается

⁴ Энактивизм — это подход в когнитивной науке, согласно которому познание возникает через активное взаимодействие организма с окружающей средой, где разум не просто обрабатывает информацию, а непрерывно формируется через телесный опыт и практические действия в мире.

⁵ Подробнее описание истории и методологии инструментария представлено в другой нашей работе [Старцев, 2022], а также в исследованиях других авторов [Jager et al., 2016].

непроговоренным в интервью в связи с пережитым опытом, который часто приводит информантов к самоцензурированию; а также провести дополнительную верификацию полученной в интервью информации, так как собеседники могут отличаться «ложной, сговорчивой объективацией» [Yanos, Horrer, 2008], то есть создавать ситуации, когда информанты во время интервью дают ответы, которые, как им кажется, хочет услышать исследователь, или стремятся соответствовать предполагаемым ожиданиям, вместо того чтобы делиться своим подлинным опытом.

Что поддерживает военную идентичность?

Военная идентичность идейно фундируется двумя основными элементами: специфической маскулинной идеологией с ее закрытой солидарностью и особым отношением к насилию, которое постепенно все меньше контролируется своим оператором — комбатантом [Жирар, 2019]. Маскулинная идеология, риторически выстраиваемая участниками боевых действий, запускает всю структуру этого идентитарного проекта. Она не ограничивается привычными фасадными стереотипами о «настоящем солдате» с его жесткостью и сдержанностью. Более важный аспект этой идеологии — неготовность принимать правила «оседлой» жизни [Higate, 2000]. Она проявляется в постоянных поисках испытаний и псевдовывозов для подтверждения собственной маскулинности; в ссылках на долженствование мужчины; стремлении оказаться в гомосоциальном сообществе с преобладающими «дружбой, пониманием, честностью и взаимовыручкой»⁶, а также в прочих элементах бесклассового общества равных, часто являющегося объектом фантазии в гражданском обществе. Все это характеризует специфическую маскулинную идеологию, лежащую в основе военной идентичности.

«Если здоровье позволяет, его берут в армию. Ну, я думаю, надо это сделать. Каждому пройти школу закалки. Ну, я считаю, что это долг. Каждый мужчина должен сходить» (Информант № 1);

«[Я пошел туда, потому что] ну, это такое, знаешь, на мужика было, вот смогу я или нет <...> хотелось там себе доказать, что я смогу, потому что тут уже все такое, рутинная сплошная, короче» (Информант № 1);

«Вообще-то из древних легенд пишется: мужчина должен сначала пройти войну. Потом родить сына и посадить дерево. То есть, тогда как бы считалось, что тогда человек может стать настоящим, понимать

⁶ Неспроста многие милитаристские организации выросли из скаутских юношеских движений, в которых вся деятельность была направлена на выстраивание стабильного гомосоциального сообщества и утверждение ценностей, связанных с ним, как наиболее уютных и важных [Mosse, 1998].

жизнь и ценить ее и окружение, в котором он живет. То есть, может быть, даже предки, скорее всего, так и происходило, чтобы они могли это делать, ценить именно жизнь, рождение и понимание» (Информант № 14).

Эта идеология часто приводит к тому, что оседлая, семейная жизнь комбатанта становится второстепенной по отношению к боевому подразделению. Семья, например, больше не доминирует в идентитарном ландшафте, а идея «настоящего мужчины» начинает связываться не с безоружными маскулинными заслугами, а с тем, что позволит вывести собственную фигуру за пределы границ безгероического гражданского общества: ради семьи готовы терпеть окопные лишения, готовы на ранения и даже смерть для выплат семье, но не готовы присутствовать — экономически и эмоционально — в структуре домохозяйства в качестве отца, мужа или брата. В свою очередь условия вооруженных сил и боевых действий еще больше способствуют тому, что боевое подразделение заполняет все пространство социальных смыслов и запросов комбатанта [Shils, Janowitz, 1948]. Особенно это заметно в использовании категорий родства по отношению к сослуживцам — солдатская мифология в данном случае вновь работает на замещение гражданской семьи уже военной квазисемьей [Godelier, 1971].

«Как раз такая ситуация, она более людей сплачивает, они вместе переживают такие события, которые братья и сестры не переживают вместе. Почему они не могут братьями называться? Могут, конечно» (Информант № 5);

«А то, что вот ветеран боевых действий, да, в дальнейшем скидки там. Допустим, мать моя будет получать какие-то льготы, я буду получать льготы, сын мой будет получать льготы. У него такой отец» (Информант № 1);

*«<...> и попали на заграждение: тропа, железная дорога шла, а квадрики же летают. Пошли по тропе, парень идет в километре от меня, и хлопок, дымка — бум! Дымка осела, у **брата** руки нету, костень торчит, и правая рука» (Информант № 8).*

Тяга к «испытаниям», описываемая языком приключенческих романов⁷, демонстрирует понимание мужского призвания как пути, мобильности, освобождения от бытового закрепощения в рамках гомосоциального сообщества боевого подразделения. Этот авантюризм⁸ служит движущей силой маскулинной идеологии [Elsrud, 2006]. Она требует от своих носителей постоянного

⁷ Интересно заметить, что приключенческий роман в значительной мере зарождался как жанр — эксплуататор историй и образов из истории англо-бурской войны.

⁸ Авантюризм сигнализирует о рискованном и сомнительном предприятии, деле, начатом без учета реальных сил и условий в расчете на случайный успех.

соотнесения себя с другими мужчинами, а также готовность идти на жертвы ради них, так как мужчина всегда готов к акту — на самом деле эгоцентричному — «героического жертвования» ради другого [Holt, Thompson, 2004]. Именно эта оглядка на сообщество, члены которого, «как и все остальные», идут в армию, становятся добровольцами и испытывают себя, обязывает прикладывать усилия к тому, чтобы стоять с членами этого сообщества в одном ряду. Об этом говорит и использование визуальных образов: в рамках одной из проведенных сессий телесного картирования участник исследования особо выделил правую руку как символ этого единства, а другой участник в качестве девиза своей идентичности выбрал фразу «своих не бросаем».

Рисунок 1. Символ мужского единства. Информант № 3

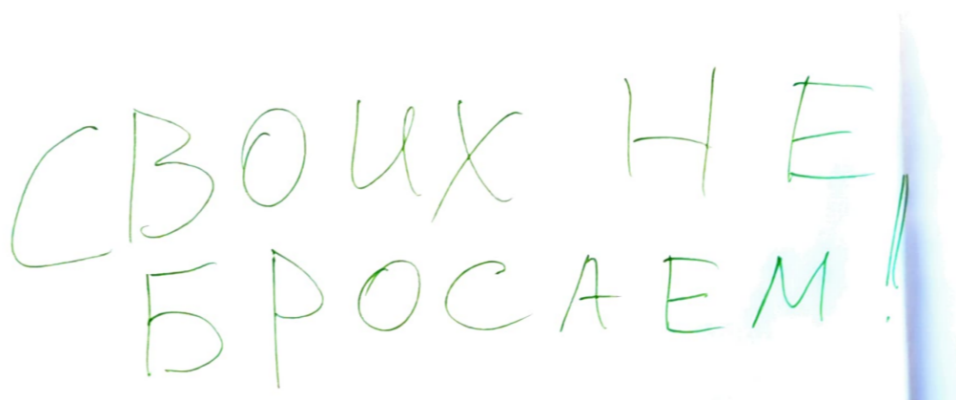

Рисунок 2. Девиз коллективного единства. Информант № 8

«Я сидел на улице в Сочи, и рядом мужики прошли, и я услышал, что они записываться добровольцами пошли. Ну, и я тоже решил после этого пойти, с друзьями пообщался, и **мы вместе вот так и решили поехать** — работы не было у меня, поэтому в тот же день пошел и записался» (Информант № 16);

«**Мой лучший друг записался**, и я поэтому как-то **не смог в стороне остаться**, поэтому тоже записался <...>. Конечно, всегда в голове были и Хемингуэй, и Ремарк, они представление о войне в том числе формировали» (Информант № 13);

«Во-первых, я потерял ногу, потому что **друга выручал своего**. И тут поступить по-другому ты не можешь. Я знал, что, если чувак взорвался, стой, цепляй, оттаскивай, ты попал на мину. Один подрыв — стой. Сыграл человеческий фактор, конечно же» (Информант № 8).

Еще один важный элемент, отличающий военную идентичность от всех прочих, — особые отношения с насилием, операторами которого становятся участники боевых действий. Это насилие, в отличие от любой другой, например бытовой, формы его проявления, характеризуется тем, что оно очень быстро отчуждается от комбатанта и последний теряет над ним эксклюзивный контроль — именно этим объясняется экспансивная способность насилия оседать за пределами военных институтов [Lutz, 2006]. Во многом потерю контроля над насилием можно объяснить тем, что Р. Жирар назвал миметическим кризисом: подражание агрессии противника и попытка ее усилить в своем ответе на изначальный импульс [Жирар, 2019], во-первых, усиливает границы идентитарного сообщества, а во-вторых, делает из носителей военной идентичности не только профессиональных операторов насилия, но и тех, на ком отпечатаны его следы. Такие следы превращают людей в исполнителей цикличного, рекурсивного насилия по отношению к другим, не только к противнику.

«[Вернуться хочу, потому что] это... ну, не месть, это, может, должок отдать. Кому-нибудь. Должок-то надо отдавать за ногу <у информанта ампутирована нога>. Поляку, например» (Информант № 1);

«Ну, я стал более раздражительным, да, меня бесит, например, что все медленные очень, вспыльчивым стал... да» (Информант № 11).

В сочетании с маскулинной идеологией такое группообразующее насилие часто приводит к формированию нового типа социальности, который бывшие комбатанты стремятся воспроизвести после демобилизации, — общества четкого разделения на друзей и врагов без промежуточных категорий. Война

становится пространством, где привычная внутренняя рефлексия минимизируется, именно это комбатанты описывают фразой «там все проще».

В результате этого в гражданских условиях создает новый социальный контракт, основанный на военном быте, где фронтовая общность, проявляющаяся в общей повседневности, совместных практиках принятия пищи и объединяющей задаче выживания, способствует становлению особого маскулинного братства со своими традициями и практиками. Стратегия радикального эгалитаризма и «общинного коммунизма», характерная для подобных тесных сообществ, оказывается наиболее эффективной в военных условиях и по аналогии переносится в правила гражданских институтов, однако при попытке такой интеграции возникают проблемы [Artemova, 2020; Boehm, Boehm, 2009]. Требования радикальной справедливости, понимаемой приватно и контекстуально, начинают восприниматься как право, основанное на статусе комбатанта, что создает яркий контраст между военной и гражданской идентичностями, поскольку военные достижения плохо конвертируются в гражданские позиции [Edele, 2008; Ashcroft, 2014].

«Там все настоящее как бы, там люди настоящие, ты сразу видишь там, кто есть кто, кто с гнильцой внутри, кто со стержнем <...>. Там нет такого, как здесь, что изворотливый кто-то, о своей шкуре думает, мы там все вместе, каждый друг за друга» (Информант № 9);

«Ну, для меня это звание [ветерана боевых действий], конечно, сейчас больше, чем деньги, вот эти вот копейки ихние. Да они же и не платят, они не хотят их платить. А вот этот позор, который они нам хотят присвоить. Нам этого не надо» (Информант № 1);

«Они просто не говорят тебе, что тебя там ждет, он когда сидит в кабинете в этом, сказки тебе рассказывает <...>. Никто не любит правды, потому что никто не любит справедливости» (Информант № 11).

Конструирование такого идеального сообщества объясняет устойчивость и продолжительность военной идентичности — она опирается на миф о «равном и взаимопомогающем сообществе», невозможном в гражданской жизни. Эти простые эгалитарные сообщества [Fried, 1960] отличаются от гражданских институтов, требующих более сложных социальных навыков, карьерных амбиций и встраивания в различные нюансированные социальные логики. Именно поэтому демобилизованные комбатанты часто воспроизводят в гражданском обществе силовые и парамилитарные сообщества [Манн, 2023; Волков, 2022], которые позволяют им строить социальную солидарность на их интерпретации окопных принципов справедливости, чести и долга.

Реконфигурация военной идентичности: инвалидизация и демобилизация

Ранение и инвалидизация представляют собой серьезный вызов для носителя военной идентичности, поскольку состояние исключения из нормальности заставляет прилагать сверхусилия по реформированию ранее ригидных категорий — маскулинности, понятия солдата, социального контракта, чести и долга [Geertz, 1992]. По этой причине критически важно обратить внимание не только на факторы, формирующие военную идентичность, но и на те, что ее подрывают и дестабилизируют.

Традиционные представления о связи физических увечий с риском и, следовательно, с маскулинностью [Connell, 2005] в контексте военной идентичности оказываются значительно более детализированными. Ряд исследователей действительно рассматривают ранение как дополнительное испытание в долгой череде вызовов, преодоление которых соответствует духу солдата, питаемому идеалами смелости и мужества. От комбатанта требуется стоически переносить увечья, которые становятся тем, что предъясвляется как визуальный символ того, что ему удалось пережить [Bösl, 2013]⁹.

В то же время ранение участника боевых действий нередко воспринимается как проигрыш, выход из гонки, что способствует демаскулинизации, категорически недопустимой в военном идентитарном проекте [Mosse, 2000]. На этом прекращается доминирующий модус существования, связанный с военизированной гегемонной маскулинностью, в результате чего неизбежно формируется «неполноценная», фрагментированная идентичность [Bulmer, Eichler, 2017]. Инвалидность в целом может интерпретироваться как демаскулинизация в связи с тем, что дискурсивный акцент делается на потребности на том, что раненые, как минимум, нуждаются в помощи и уходе¹⁰ [Mik-Meyer, 2015].

«Когда лежишь [после ранения в госпитале], там тоска тебя гложет все время. Или ты лежишь, не понимаешь, что с тобой происходит. Я понял только тогда, когда попытался встать с кровати, понял, что ноги нет. А так лежишь вроде, думаешь, пойдешь. Спросил через месяц: «Можно встать?». Укол поставили — просто постоять, я встаю, так высоко, таррахчу ногой. Тогда я понял, что у меня нет ноги» (Информант № 8).

⁹ Шрамы в качестве сигнификатора смелости и отваги активно использовались, например, когда были популярны дуэли [McAleer, 1997]. Это особенно важно еще и потому, что до дуэли допускались далеко не все, а лишь те, кто мог иметь право состязаться в мужестве [Mosse, 1998].

¹⁰ Неспроста разговоры об инвалидизации всегда где-то рядом с темой сексуальной (не) привлекательности инвалидизированного солдата [Salvante, 2020]. Сами информанты упоминали ряд случаев, когда первыми словами после ранения был вопрос о том, не задеты ли половые органы, а одна медицинская работница военного госпиталя в личном разговоре с нами упоминала, что пациенты запрашивали у нее оценку собственной привлекательности «как мужчин». Это приводит к противоречивому смешению: инвалидов одновременно инфантилизируют, но также и сексуализируют как героев. Почему инфантилизируют — они нуждаются в заботе как дети, а почему сексуализируют — речь о проблематизации их сексуальности, она поставлена под сомнение и нуждается в подтверждении.

Страх быть раненым в ходе участия в боевых действиях наблюдался и в конфликтах прошлого — это хорошо задокументировано у солдат Первой мировой войны. Комбатанты из всех стран считали, что ранение неизбежно приведет к их исключению из общества, отказу в конвенциональной маскулинной привлекательности и сексуальности [Cohen, 2001]. Ситуация усугублялась тем, что в процессе реабилитации раненым и инвалидизированным комбатантам нередко предлагались феминизированные занятия, напрямую связанные с традиционным репертуаром женских практик, например шитье и вязание [McBrinn, 2018].

Именно поэтому первой реакцией участников исследования, когда они до собственного ранения задумывались о нем, было предпочтение смерти, чем жизнь с инвалидностью [Reynolds, 2017]. Для этого в ходе повествования информантами делался акцент на том, что у солдата всегда должен быть припасен последний боеприпас на тот случай, если ранение будет унижительным.

«Если бы мне [оторвало половой орган], то я бы точно тут не думал [о смерти], это все, приехали» (Информант № 7);

«Конечно, я смотрел на пацанов, которые там без рук и без ног лежат, и я вот думал про все это тогда: “А вот что я на их месте бы сделал... гранату, наверное, припас бы”» (Информант № 5).

Инвалидизированные солдаты называли ряд стратегий с целью стабилизации собственной маскулинности, в первую очередь это возвращение в зону боевых действий. Именно там они могут быть полезны в любом качестве, и подобный компенсаторный акт становится однозначной демонстрацией того, что они все еще способны быть полноценными агентами процесса военного насилия, не нуждающимися в жалости. Это, вероятно, способ экстенсивной «починки» гегемонной маскулинности, лежащей в основании военной идентичности.

«Сейчас мне сделают протез, и я обратно вернусь, конечно. Да хоть бы я дрон буду водить, я там посмотрел уже курсы кое-какие, чтобы научиться <...>. Есть протезы, которые позволяют с тяжелым грузом ходить, — вот мне такой как раз и надо» (Информант № 4);

«По большому счету, что я там успел сделать? Ничего. Охота и наврстать» (Информант № 7);

«Да, мы здесь хохочем, что создадим бригаду инвалидов, пойдем. Все хотят» (Информант № 10);

«Да. Долг [заставляет вернуться обратно]. Я же мужик, я обязан защищать свою Родину и свою семью. Для чего нужен тогда мужчина?» (Информант № 2).

Анализируя влияние ранений на идентичность военнослужащих, можно обнаружить парадоксальную ситуацию. Хотя физические травмы, на первый взгляд, должны ослаблять военную идентичность через утрату боевой эффективности, в действительности они часто становятся катализатором ее укрепления. Это происходит через два взаимосвязанных механизма. Во-первых, полученные увечья становятся маркером принадлежности к военному сообществу, углубляя отчуждение от гражданского общества. Во-вторых, сама необходимость преодолеть последствия ранений воспринимается как продолжение испытаний маскулинности, что хорошо согласуется с описанной выше военной идеологией постоянного преодоления вызовов. В результате даже при наличии травматического опыта и объективной потребности в возвращении к мирной жизни физическая инвалидизация парадоксальным образом затрудняет переход между военной и гражданской идентичностями [Salvante, 2020].

Насильное лишение военной дееспособности может происходить не только в связи с ранением, но и в связи с пленением комбатантов. Вопрос пленения так же, как и ранения, тесно связывается в литературе с демаскулинизацией, «кастрирующим опытом» [Reiss, 2012]. Изъятие знаков отличия, личных вещей, разоружение, страх насилия по отношению к пленным [Struk, 2020], а также (что, наверное, не менее существенно) опасения быть обвиненным в трусости и предательстве чести и солдатского долга [Shils, Janowitz, 1948] — все это является причиной того отношения к плену, которое демонстрируют участники нашего исследования. Некоторые информанты говорили, что предпочли бы смерть плену и для этих случаев оставляли боеприпас. Это вновь возвращает нас к тому, что ранение и плен идентичны военизированной демаскулинизации.

«У нас в Бурятии парнишка приехал, его из плена, укрепку их взяли, на-шли, бросили, может, думали, что умер или умрет, но спасли. Но над ним они наиздевались <...>. Вот граната, которая для себя, даже ин-структоры нас прошивали, в плен не сдаваться» (Информант № 3).

В случае плена стратегией возвращения собственной чести, а значит и военизированной маскулинности, является отношение пленника к собственному положению как к битве в ином регистре, где от плененного комбатанта требуется реализовывать разные способы сопротивления: от полного саботирования трудовой деятельности до детального выполнения всех требований внутреннего распорядка с целью парализовать функционирование лагеря для военнопленных.

«Мы, конечно, считали себя солдатами там <...>. Кто-то думал, что с ними можно дружить, но мы им говорили, что если ты думаешь, что можешь себе какое-то место более комфортное вытянуть или какие-то условия полегче, то ты ошибаешься: они тебе не друзья, они такие противники, просто в другом месте и в другой форме чуть-чуть. Поэтому мы, конечно, не забывали о том, что война идет, и мы себя солдатами считать не переставали» (Информант № 14).

Подводя итог анализу влияния инвалидизации на военную идентичность, можно отметить, что ее компенсация осуществляется через два ключевых механизма, соответствующих базовым компонентам этой идентичности. Во-первых, маскулинная идеология с ее требованием постоянного испытания себя оказывается настолько сильной, что даже тяжелые ранения воспринимаются не как повод для возвращения к гражданской жизни, а как причина доказать свою состоятельность через возвращение в боевое подразделение в любом состоянии. Во-вторых, пережитое насилие встраивается в общую логику циркуляции военного насилия: полученные травмы трансформируются в мотивацию к реваншу, который воспринимается как необходимый элемент восстановления нарушенного символического порядка. Это создает условия для воспроизводства насильственных практик через новые роли и функции в военной системе. Таким образом, инвалидизация не только не разрушает военную идентичность, но, напротив, усиливает оба ее базовых компонента — и стремление к испытаниям, и включенность в нормативную систему военного насилия.

Заключение

Военная идентичность формируется двумя взаимосвязанными компонентами: особой маскулинной идеологией и специфическим отношением к насилию. Приверженность военизированной маскулинной идеологии проявляется в непрерывном поиске испытаний и сознательном отказе от размеренной гражданской жизни. Это создает основу для формирования закрытого мужского сообщества с собственными эксклюзивными правилами и ценностями. В рамках такого сообщества традиционные семейные связи отходят на второй план, уступая место отношениям внутри боевого подразделения, которые приоритизируют особенное отношение к риску и собственному занятию.

Боевое братство становится новой формой семьи, занимая центральное место в системе социальных отношений комбатанта. Это проявляется в использовании категорий родства по отношению к сослуживцам, где солдатская мифология работает на замещение гражданской семьи военной. Такое изменение социальных связей сопровождается становлением специфического типа социальности, характеризующегося радикальным эгалитаризмом и жестким разделением на своих и врагов. В условиях боевых действий эта социальная структура оказывается более привлекательной и когнитивно простой, чем запутанные гражданские иерархии, предполагающие, например, игру этикета как тонкого инструмента драматического представления своего «Я» или постоянные усилия в рамках малоперспективной прекарной занятости, сопровождающейся собственной биографической неустроенностью.

Особое значение в формировании военной идентичности играет отношение к насилию, которое постепенно отчуждается от своего оператора-комбатанта

через цикличное отщепление или миграцию насилия в гражданскую среду. В отличие от бытовых видов агрессии, военное насилие характеризуется способностью выходить за пределы военных институтов и оседать в гражданском обществе. Это во многом объясняется тем, что Р. Жирар назвал миметическим кризисом — подражанием агрессии противника и попыткой ее усилить, что приводит к формированию цикличного, рекурсивного насилия. Именно такой тип маскулинности служит фундаментом военной идентичности, закрепленной в боевых действиях, поскольку он отвечает базовым военным ценностям: героизму, самопожертвованию и строгой иерархии. При этом даже серьезные испытания, такие как ранения, инвалидность или плен, парадоксальным образом не разрушают, а укрепляют военную идентичность. Травматические события воспринимаются как новые вызовы, требующие преодоления и демонстрации силы духа. Инвалидизированные солдаты используют различные стратегии стабилизации собственной маскулинности, главной из которых является стремление вернуться в зону боевых действий в любом качестве.

Результаты исследования имеют важное значение для понимания процессов формирования и трансформации идентичности участников боевых действий, а также для осмысления проблем их последующей интеграции в гражданское общество. Полученные выводы подчеркивают необходимость разработки более эффективных программ реинтеграции военнослужащих в гражданское общество. Эти программы должны учитывать не только практические аспекты адаптации, но и глубинные трансформации идентичности, происходящие в результате участия в боевых действиях. Особое внимание следует уделить тому, как военная идентичность влияет на способность комбатантов переключаться между различными социальными ролями и встраиваться в гражданские институты, требующие более сложных социальных навыков и компетенций.

Литература / References

- Брубейкер Р., Купер Ф., Кучерова Д., Семенова А., Могильнер М. За пределами «идентичности» // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 61–115.
- Brubaker R., Cooper F., Kucherova D., Semenova A., Mogilner M. (2002) Beyond "Identity". *Ab Imperio*. No. 3. P. 61–115. (In Russ.)
- Волков В. Силовое предпринимательство. СПб.: Летний сад, 2002. EDN: [SOSLWY](#)
- Volkov V. (2002) *Silovoe predprinimatelstvo* [Violent Entrepreneurship]. SPb.: Letnij sad. (In Russ.)
- Манн М. Фашисты. СПб.: Питер, 2023.
- Mann M. (2023) *Fashisty* [Fascists]. SPb.: Piter. (In Russ.)
- Мосс М. Техники тела // Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М.: Восточная литература, 1996. С. 242–250.
- Moss M. (1996) Body Techniques. In: *Obshchestva. Obmen. Lichnost. Trudy po sotsialnoy antropologii* [Societies. Exchange. Personality. Works on Social Anthropology]. P. 242–250. (In Russ.)
- Рикер П. Я-сам как другой. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008. EDN: [TSPVDN](#)
- Ricoeur P. (2008) *Ya-Sam kak drugoi* [Oneself as Another]. Moscow: Izdatelstvo gumanitarnoy literatury. (In Russ.)

Старцев С. В. Интер-энциклопедия: метод картографирования телесности // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2022. Т. 14. № 4. С. 110–125. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.4.6> EDN: UIMIGI

Startsev S.V. (2022) Inter-Encyclopedia: Body Mapping Method. *Interaktsiya. Intervyu. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 14. No. 4. P. 110–125. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.4.6>

Старцев С. В. Анализ установок исследователя в процессе изучения сензитивных тем: опыт интервьюирования участников военных конфликтов // Социологический журнал. 2024. Т. 30. № 3. С. 61–75. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2024.30.3.3> EDN: HEUFQL

Startsev S.V. (2024) Analysis of Researcher's Attitudes in the Study of Sensitive Topics: Experience of Interviewing Military Conflict Participants. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. Vol. 30. No. 3. P. 61–75. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2024.30.3.3>

Старцев С. В. Между идентификацией и профессионализацией: оптики социологического рассмотрения военнослужащих // *Laboratorium: Журнал социальных исследований*. 2024. Т. 16. № 1. С. 75–99. DOI <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2024-16-1-75-99>

Startsev S.V. (2024) Between Identification and Professionalization: Sociological Perspectives on Military Personnel. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. Vol. 16. No. 1. P. 75–99. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2024-16-1-75-99>

Журап Р. Завершить Клаузевица. Беседы с Бенуа Шантром. М.: ББИ, 2019.

Zhirap R. (2019) *Zavershit Klauzevitsa. Besedy s Benua Shantrom* [Completing Clausewitz: Conversations with Benoît Chantre]. Moscow: BBI. (In Russ.)

Artemova O.Y. (2020) Equality as a Human Categorical Imperative. *Prehistoric Archaeology Journal of Interdisciplinary Studies*. No. 1. P. 64–91. DOI: <https://doi.org/10.31600/2658-3925-2020-1-64-91>

Ashcroft L. (2014) *The Veterans' Transition Review*. URL: <https://www.veteranswales.co.uk/images/ASHCROFT-TRANSITION-REVIEW-2014.pdf> (дата обращения: 10.01.2025)

Boehm C., Boehm C. (2009) *Hierarchy in the Forest: The Evolution of Egalitarian Behavior*. Cambridge: Harvard University Press.

Bösl E. (2013) "An Unbroken Man Despite Losing an Arm": Corporeal Reconstruction and Embodied Difference — Prosthetics in Western Germany after the Second World War (c. 1945–1960). *War and the Body*. London: Routledge. P. 167–180.

Bulmer S., Eichler M. (2017) Unmaking Militarized Masculinity: Veterans and the Project of Military-to-Civilian Transition. *Critical Military Studies*. Vol. 3. No. 2. P. 161–181. DOI: <https://doi.org/10.1080/23337486.2016.1180609>

Carroll W.K., Ratner R.S. (1996) Master Framing and Cross-Movement Networking in Contemporary Social Movements. *The Sociological Quarterly*. Vol. 37. No. 4. P. 601–625. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.1996.tb01755.x>

Cohen D. (2001) *The War Come Home: Disabled Veterans in Britain and Germany, 1914–1939*. Berkeley: University of California Press.

Collins R. (2009) The Micro-Sociology of Violence. *British Journal of Sociology*. Vol. 60. No. 3. P. 566–576. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-4446.2009.01256.x>

Connell R. (2005) *Masculinities* (2nd ed.). Cambridge: Polity Press.

Crossley N. (2012) Phenomenology and the Body. In: *Routledge Handbook of Body Studies*. London: Routledge. P. 142–155.

Edele M. (2008) *Soviet Veterans of the Second World War: A Popular Movement in an Authoritarian Society, 1941–1991*. Oxford: OUP Oxford.

Elsrud T. (2006) Gender Creation in Travelling, or the Art of Transforming an Adventuress. In: *Tourism Consumption and Representation: Narratives of Place and Self*. Wallingford: CABI. P. 178–195. DOI: <https://doi.org/10.1079/9780851996783.0178>

- Freud S. (2015) Why War? In: *Conflict After the Cold War*. Abingdon: Routledge. P. 185–192.
- Fried M.H. (1960) *On the Evolution of Social Stratification and the State*. Indianapolis: Bobbs-Merrill. P. 713–731.
- Gastaldo R.A., Neveling J., Geissman J.W., Kamo S.L., Looy C.V. (2022) A Tale of Two Tweefonteins: What Physical Correlation, Geochronology, Magnetic Polarity Stratigraphy, and Palynology Reveal About the End-Permian Terrestrial Extinction Paradigm in South Africa. *GSA Bulletin*. Vol. 134. No. 3–4. P. 691–721. DOI: <https://doi.org/10.1130/B35830.1>
- Geertz C. (1992) Common Sense as a Cultural System. *The Antioch Review*. Vol. 50. No. 1/2. P. 221–241. DOI: <https://doi.org/10.2307/4612512>
- Godelier M. (1971) Myth and History. *New Left Review*. No. 69. P. 93–112.
- Goodley H. (2022) *What Does It Mean to Be a Soldier?: Negotiating Identities in the British Army*. London: King's College.
- Higate P. (2000) Ex-Servicemen on the Road: Travel and Homelessness. *The Sociological Review*. Vol. 48. No. 3. P. 331–347. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-954X.00219>
- Holt D.B., Thompson C.J. (2004) Man-of-Action Heroes: The Pursuit of Heroic Masculinity in Everyday Consumption. *Journal of Consumer Research*. Vol. 31. No. 2. P. 425–440. DOI: <https://doi.org/10.1086/422120>
- Hunt S. (2007) Master Status. In: *The Blackwell Encyclopedia of Sociology*. Malden: Wiley-Blackwell.
- Jager A.D., Tewson A., Ludlow B., Boydell K. (2016) Embodied Ways of Storying the Self: A Systematic Review of Body-Mapping. *Forum Qualitative Sozialforschung Forum: Qualitative Social Research*. Vol. 17. No. 2. P. 1–31. DOI: <https://doi.org/10.17169/fqs-17.2.2526>
- Joas H., Knöbl W. (2012) *War in Social Thought: Hobbes to the Present*. Princeton: Princeton University Press.
- Kang S.K., Bodenhausen G.V. (2015) Multiple Identities in Social Perception and Interaction: Challenges and Opportunities. *Annual Review of Psychology*. Vol. 66. No. 1. P. 547–574. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-010814-015025>
- Knauff B.M., Abler T.S., Betzig L., Boehm C., Dentan R.K., Kiefer T.M., Rodseth L. (1991) Violence and Sociality in Human Evolution [and Comments and Replies]. *Current Anthropology*. Vol. 32. No. 4. P. 391–428. DOI: <https://doi.org/10.1086/203975>
- Lee R.M. (1993) *Doing Research on Sensitive Topics*. London: Sage.
- Lutz C. (2006) Making War at Home in the United States: Militarization and the Current Crisis. In: *The Anthropology of the State: A Reader*. Malden: Blackwell Publishing. P. 291–309.
- Malešević S. (2010) How Pacifist Were the Founding Fathers?: War and Violence in Classical Sociology. *European Journal of Social Theory*. Vol. 13. No. 2. P. 193–212. DOI: <https://doi.org/10.1177/1368431010362298>
- McAleer K. (1997) *Dueling: The Cult of Honor in Fin-de-Siecle Germany*. Princeton: Princeton University Press.
- McBrinn J. (2018) "The Work of Masculine Fingers": The Disabled Soldiers' Embroidery Industry, 1918–1955. *Journal of Design History*. Vol. 31. No. 1. P. 1–23. DOI: <https://doi.org/10.1093/jdh/epw043>
- Mik-Meyer N. (2015) Gender and Disability: Feminizing Male Employees with Visible Impairments in Danish Work Organizations. *Gender, Work & Organization*. Vol. 22. No. 6. P. 579–595. DOI: <https://doi.org/10.1111/gwao.12107>
- Mosse G.L. (1990) *Fallen Soldiers: Reshaping the Memory of the World Wars*. New York: Oxford University Press.
- Mosse G.L. (1998) *The Image of Man: The Creation of Modern Masculinity*. New York: Oxford University Press.
- Mosse G.L. (2000) Shell-Shock as a Social Disease. *Journal of Contemporary History*. Vol. 35. No. 1. P. 101–108. DOI: <https://doi.org/10.1177/002200940003500109>

- Reiss M. (2012) The Importance of Being Men: The Afrika-Korps in American Captivity. *Journal of Social History*. Vol. 46. No. 1. P. 23–47. DOI: <https://doi.org/10.2307/41678974>
- Reynolds J.M. (2017) "I'd Rather Be Dead Than Disabled"—The Ableist Conflation and the Meanings of Disability. *Review of Communication*. Vol. 17. No. 3. P. 149–163. DOI: <https://doi.org/10.1080/15358593.2017.1331255>
- Richardson L. (1990) Narrative and Sociology. *Journal of Contemporary Ethnography*. Vol. 19. No. 1. P. 116–135. DOI: <https://doi.org/10.1177/089124190019001006>
- Ricoeur P. (2002) Life in Quest of Narrative. In: *On Paul Ricoeur*. London; New York: Routledge. P. 34–47. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203416815-5>
- Roccas S., Brewer M.B. (2002) Social Identity Complexity. *Personality and Social Psychology Review*. Vol. 6. No. 2. P. 88–106. DOI: https://doi.org/10.1207/S15327957PSPR0602_01
- Salvante M. (2020) The Wounded Male Body: Masculinity and Disability in Wartime and Post-WWI Italy. *Journal of Social History*. Vol. 53. No. 3. P. 644–666. DOI: <https://doi.org/10.1093/jsh/shz127>
- Schütz A. (1945) The Homecomer. *American Journal of Sociology*. Vol. 50. No. 5. P. 369–376. DOI: <https://doi.org/10.1086/219654>
- Shils E.A., Janowitz M. (1948) Cohesion and Disintegration in the Wehrmacht in World War II. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 12. No. 2. P. 280–315. DOI: <https://doi.org/10.1086/265951>
- Snow D.A., McAdam D. (2000) Identity Work Processes in the Context of Social Movements: Clarifying the Identity/Movement Nexus. In: *Self, Identity, and Social Movements*. Minneapolis: University of Minnesota Press. P. 41–67.
- Struk J. (2020) *Private Pictures: Soldiers' Inside View of War*. New York: Routledge.
- Stryker S., Owens T.J., White R.W. (eds.) (2000) *Self, Identity, and Social Movements*. Minneapolis; London: University of Minnesota Press.
- Tavory I. (2019) *Summoned: Identification and Religious Life in a Jewish Neighborhood*. Chicago: University of Chicago Press.
- Van Stekelenburg J. (2013) Collective Identity. In: *The Wiley-Blackwell Encyclopedia of Social and Political Movements*. Oxford: Wiley-Blackwell. P. 219–225. DOI: <https://doi.org/10.1002/9780470674871.wbespm039>
- Wacquant L. (2015) For a Sociology of Flesh and Blood. *Qualitative Sociology*. Vol. 38. P. 1–11. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11133-014-9291-y>
- Wacquant L.J. (2006) *Body & Soul: Notebooks of an Apprentice Boxer*. Oxford: Oxford University Press.
- Yanos P.T., Hopper K. (2008) On "False, Collusive Objectification": Becoming Attuned to Self-Censorship, Performance and Interviewer Biases in Qualitative Interviewing. *International Journal of Social Research Methodology*. Vol. 11. No. 3. P. 229–237. DOI: <https://doi.org/10.1080/13645570701605756>

Сведения об авторе:

Старцев Сергей Вячеславович — аспирант, кафедра анализа социальных институтов, департамент социологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **E-mail:** sstartsev@hse.ru. **ORCID ID:** [0000-0001-8152-1817](https://orcid.org/0000-0001-8152-1817).

Статья поступила в редакцию: 16.01.2025

Принята к публикации: 23.02.2025

Masculine Ideology and Attitudes towards Violence in the Construct of Military Identity

DOI: 10.19181/inter.2025.17.1.2

Sergey V. Startsev HSE University, Moscow, Russia
E-mail: sstartsev@hse.ru

The article examines the mechanisms of formation and maintenance of military identity using the example of participants in a special military operation in Ukraine. Based on the concept of vocation as a key component of identity, the study examines two important dimensions of military identity — narrative and bodily. The empirical base consisted of 15 in-depth interviews and 3 completed body maps created by combatants, including wounded and demobilized military personnel. The analysis shows that the stability of military identity is supported by two key elements: a specific masculine ideology and a characteristic relationship with violence. The masculine ideology manifests itself through the constant desire for trials, the rejection of a “settled” life and the formation of closed solidarity within the homosocial community. In turn, violence, alienating itself from its operator, contributes to the formation of a specific type of sociality characterized by radical egalitarianism and a rigid division into friends and enemies. The study also addresses factors that potentially destabilize military identity — injury, disability, and captivity. Paradoxically, these events can not only undermine, but also strengthen military identity through the desire to return to combat or the search for alternative ways to maintain masculinity. The results obtained deepen the understanding of the processes of formation and transformation of the identity of combatants, which is important for understanding the problems of their subsequent integration into civil society.

Keywords: military identity, masculinity, military masculinity, masculine solidarity, disabled masculinity

Acknowledgments: *The research was carried out with the support of the Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, within the framework of the project “Experience of local conflicts: processing, resocialization, disability”.*

Author Bio:

Sergey V. Startsev — Graduate Student, Social Institutes Analysis Department, School of Sociology, Faculty of Social Sciences, HSE University, Moscow, Russia.
E-mail: sstartsev@hse.ru. **ORCID ID:** 0000-0001-8152-1817.

Received: 16.01.2025

Accepted: 23.02.2025